Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).

№ 22 (9479) | Среда, 26 января 1944 г. | ЦЕНА 20 КОП.

Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров закончила свою работу.

Полностью установлены чудовищные злодеяния, совершённые гитлеровскими разбойниками, последовательно осуществляющими политику уничтожения славянских народов.

Фашистские палачи и провокаторы не уйдут от справедливого возмездия! Мщение и смерть подлым немецким захватчикам!

ПРИКАЗ
Верховного Главнокомандующего
Генералу армии ГОВОРОВУ

Войска ЛЕНИНГРАДСКОГО фронта, продолжая успешное наступление, сегодня, 24 января, в результате умелого обходного маневра и стремительной атаки с фронта, овладели городом ПУШКИН (ЦАРСКОЕ СЕЛО) и городом ПАВЛОВСК (СЛУЦК) — крупными железнодорожными узлами и мощными опорными пунктами обороны немцев.

В боях за овладение городами ПУШКИН и ПАВЛОВСК отличились войска генерал-полковника МАСЛЕННИКОВА, генерал-майора ХАЗОВА, генерал-майора БУНЬКОВА, генерал-майора ЯСТРЕБОВА, полковника ВВЕДЕНСКОГО, артиллеристы генерал-майора артиллерии МИХАЛКИНА, полковника МАСЛОВСКОГО и танкисты подполковника ГРДЗЕЛИШВИЛИ.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименований «ПУШКИНСКИХ» и «ПАВЛОВСКИХ» и к награждению орденами.

Сегодня, 24 января, в 21 час столица нашей Родины МОСКВА от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим городами ПУШКИН и ПАВЛОВСК,— двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырёх орудий.

За отличные боевые действия ОБ'ЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов ПУШКИН и ПАВЛОВСК.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза
И. СТАЛИН.

24 января 1944 года.

В Народном Комиссариате Военно-Морского Флота Союза ССР

За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава **преобразованы:**

1. 73-й пикировочный авиационный полк — в 12-й Гвардейский пикировочный авиационный полк. Командир полка — подполковник **Куречкин М. А.**

2. 119-й Краснознаменный разведывательный морской авиационный полк — в 13-й Краснознаменный Гвардейский разведывательный морской авиационный полк. Командир полка — майор **Мусатов Н. А.**

3. 2-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион — в 1-й Гвардейский отдельный зенитный артиллерийский дивизион. Командир дивизиона — майор **Ибрагимов И. И.**

4. 101-я морская железнодорожная артиллерийская бригада — в 1-ю Гвардейскую морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду. Командир бригады — генерал-майор береговой службы **Смирнов Д. С.**

Указанным полкам, дивизиону и бригаде вручаются Гвардейские Знамена.

—o—

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении писательницы Щепкиной-Куперник Татьяны Львовны орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в области художественной литературы, в связи с 70-летием со дня рождения, наградить писательницу Татьяну Львовну **Щепкину-Куперник** орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР **М. КАЛИНИН.**

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР **А. ГОРКИН.**

Москва, Кремль. 24 января 1944 г.

Чудовищные злодеяния гитлеровских извергов в Катыни

Гитлеровские изверги вновь пригвождены к позорному столбу. Полностью восстановлена страшная картина чудовищных злодеяний, учинённых немецко-фашистскими разбойниками в Катыни. Сегодня «Правда» публикует результаты работ Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров.

Возникновение «Катынского дела» характерно для подлых провокационных методов, которыми широко пользуются гитлеровские разбойники в своих преступных целях. До нападения немецко-фашистских бандитов на Советский Союз в Смоленской области находился лагерь для военнопленных поляков, которые были заняты на строительных работах. Во время отступления Красной Армии *в связи с создавшейся обстановкой* военнопленных поляков не удалось эвакуировать, и они попали в руки к гитлеровским палачам. Немецко-фашистские бандиты, продолжая ту же кровавую практику, которую они применяли в Польше, то-есть практику физического уничтожения поляков, расстреляли осенью 1941 года военнопленных, находившихся в Смоленской области. Чтобы скрыть следы своего гнусного преступления, а вместе с тем добиться осуществления своих грязных политических целей, гитлеровские разбойники прибегли к чудовищной провокации.

Весной 1943 года они опубликовали сообщение, в котором попытались приписать совершённые ими злодеяния в Катынском лесу советским органам, отнеся эти убийства к весне 1940 года. Эта чудовищная провокация была затеяна не случайно именно весной 1943 года. Зима 1942—1943 годов, в течение которой Красная Армия нанесла жестокие поражения гитлеровским войскам, ознаменовалась резким ухудшением военно-политического положения фашистской Германии, равно как и одновременным укреплением единства союзных держав. В страхе перед расплатой, *стремясь поссорить русских с поляками,* немцы, верные гитлеровскому правилу — не останавливаться перед самой отвратительной ложью и самой подлой провокацией,— сделали попытку оклеветать советские органы власти, приписать им свои злодеяния.

Эта попытка потерпела крах. Перед лицом всего мира была разоблачена новая гнуснейшая провокация немецко-фашистских палачей. В сообщении Советского Информбюро, в нашей печати со всей силой и убедительностью были тотчас же разоблачены чудовищная выдумка и подлая клевета гитлеровцев. Свободолюбивые народы всех стран с презрением отбросили прочь подлую гитлеровскую клевету на советский народ, показавший всему миру чудеса героизма, мужества и благородства.

И только эмигрантское польское правительство легко попалось на удочку гитлеровских провокаторов, выступило в роли сотрудников Гитлера. Польское правительство приняло активное участие во враждебной, антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу «убийств в Катыни». В то время как народы Советского Союза, обливаясь кровью в тяжёлой борьбе с гитлеровской Германией, напрягали все свои силы для разгрома общего врага русского и польского народов и всех демократических стран, польское правительство в угоду гитлеровцам нанесло вероломный удар Советскому Союзу.

По вине польского правительства, из-за его активного участия во враждебной, антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов были прерваны дипломатические отношения Советского правительства с польским правительством.

Сейчас в свете материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных ею *свидетелей,* данных *судебно-медицинской* экспертизы, документов, вещественных доказательств, извлечённых из могил Катынского леса, полностью раскрыта вся гнусная цепь немецко-фашистских провокаций, убийств, фальсификаций, которые в сумме составляют «Катынское дело».

Публикуемые сегодня документы неопровержимо устанавливают, что военнопленные поляки находились в лагерях западнее Смоленска до сентября 1941 года включительно, что осенью 1941 года немецкими оккупационными властями производились в Катынском лесу массовые расстрелы польских военнопленных. Эти массовые расстрелы совершались немецким военным учреждением, скрывавшимся под условным наименованием «штаб 537 строительного батальона», во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес и его сотрудники обер-лейтенант Рекст, лейтенант Хотт.

Материалы Специальной Комиссии раскрывают методы, при помощи которых немецко-фашистские палачи создавали «Катынское дело». Путём провокации, уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний они старались найти «свидетелей», от которых добивались ложных показаний. Мало того, они не только расстреляли военнопленных, которые находились в Катынском лагере, они свозили туда трупы расстрелянных из других мест. В сообщении Специальной Комиссии указывается, что, *«готовясь к своей провокации,* немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны».

Садистские издевательства гитлеровцев *над своими жертвами,* практика массовых убийств, методы этих убийств—все эти чудовищные преступления стоят в том же ряду злодеяний, которые чинили гитлеровские душегубы на советской земле и которые были раскрыты на судебных процессах в Краснодаре и в Харькове.

Материалы расследования Специальной Комиссии документально устанавливают, *что убийства в Катынском лесу были совершены* по прямой директиве из Берлина в осуществление политики физического уничтожения славянских народов.

Гнусные преступления гитлеровских палачей в Катыни, до конца раскрытые *авторитетной Специальной Комиссией,* вызовут бурю гнева и возмущения как советского и польского народов, так и всего передового человечества.

Ни одно из преступлений, совершённых гитлеровскими бандитами, не будет забыто. *Они все войдут в обвинительный* акт, который будет пред'явлен и уже пред'является гитлеровским палачам. Ни одно злодеяние, *совершенное немцами,* не останется без отмщения. Тому порукой сокрушительные удары Красной Армии по гитлеровским *разбойничьим ордам,* тому *порукой* непреклонная воля всех свободолюбивых народов добиться полной победы и полного разгрома *гитлеровской Германии* в кратчайшие сроки.

От Советского Информбюро

Оперативная сводка за 24 января

Войска ЛЕНИНГРАДСКОГО фронта, продолжая успешное наступление, 24 января овладели городом ПУШКИН (ЦАРСКОЕ СЕЛО), городом ПАВЛОВСК (СЛУЦК), а также с боями заняли более 40 других населённых пунктов и среди них ОЗНАКОВО, КОЛОДЕЗИ, ХЮЛЬГЮЗИ, НОВОЕ ЕРМОЛИНО, СТАРОЕ ЕРМОЛИНО, СМОЛЬКОВО, ВОХОНОВО, ПЕДЛИНО, САЛЕЗИ, БОЛЬШОЕ РЕЗИНО, СОККОЛОВО, РОМАНОВКА, ГОРКИ, ПОКРОВСКАЯ, ГУКАЛОВО, ПОПОВА. Наши войска перерезали железную дорогу ГАТЧИНА—НАРВА.

В течение 24 января северо-западнее ТОСНО наши войска с боями продвигались вперёд, *заняли несколько населённых пунктов, среди них крупный населённый пункт* УЛЬЯНОВКА, превращенный немцами в сильный узел обороны, и железнодорожный узел САБЛИНО на железнодорожной магистрали ЛЕНИНГРАД—МОСКВА.

Западнее и юго-западнее НОВГОРОДА наши войска вели наступательные бои, в ходе которых заняли населенные пункты ЗАПОЛЬЕ, СТЕГАЧЕВО, ИЗОРИ, КШЕНТИЦЫ, БОГДАНОВО, БОЛЬШАЯ ВИДОГОЩЬ, СТЕХОВО, СУТОКИ, ЛАРЕШНИКОВО, ОРЛОВО, СИДОРКОВО, БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ ПОДСОНЬЕ, СЕЛЬЦО, ВЕРХОВЬЕ, СПАСПИСКОПЕЦ, ГОРОШКОВО, ЗАБОЛОТЬЕ, КУРИЦКО, СЕРГОВО и железнодорожные станции ТРЯСОВО, БОРОК.

Восточнее ВИННИЦЫ наши войска отбивали атаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике.

На других участках фронта, в ряде пунктов, шли бои местного значения.

В течение 23 января наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 46 немецких танков. В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии сбито 45 самолётов противника.

* * *

Войска Ленинградского фронта продолжали *успешное наступление.* Наши пехотинцы, танкисты и артиллеристы, преодолевая сильный огонь противника, с юго-запада *обошли город* Пушкин (Царское Село) и город Павловск (Слуцк). Другие советские части стремительно атаковали противника с фронта. В результате ожесточенных боев сопротивление немцев было сломлено. Гитлеровцы, засевшие в долговременных укреплениях, не выдержали ударов наших войск и начали в беспорядке отступать. Овладев городами Пушкин и Павловск, наши части захватили много орудий, в том числе дальнобойных, крупные склады с боеприпасами и военным имуществом. Противник понес большие потери в живой силе. На другом участке части Н-ского соединения, успешно продвигаясь вперед, перерезали железную дорогу Гатчина—Нарва. Части противника, упорно защищавшие подступы к этой дороге, были разгромлены. Уничтожено до 1.500 немецких *солдат и офицеров.* Захвачено 10 танков, 27 орудий, 60 автомашин и другие трофеи.

• • •

Северо-западнее Тосно наши подвижные части, обходя узлы сопротивления противника, прорываются вперед и наносят удары по его путям сообщения. Под угрозой окружения немцы поспешно отступают, неся большие потери в людях и технике. В бою за железнодорожный узел Саблино наши бойцы уничтожили свыше батальона немецкой пехоты и захватили большие трофеи. В другом районе, отступая, гитлеровцы бросили 13 исправных орудий, 17 минометов, много платформ и вагонов с военными грузами, *артиллерийский склад* и мощную радиостанцию. Значительное количество немцев взято в плен.

• • •

Западнее и юго-западнее Новгорода наши войска продолжали вести наступательные бои. Части Н-ского соединения прорвали оборону противника на реке Веронда и, развивая успех, овладели рядом населённых пунктов. На другом участке советские войска, с боями продвигаясь вперед, полностью очистили от немцев полуостров между озером Ильмень и рекой Веряжа. В течение дня уничтожено до полка немецкой пехоты, 7 танков, 3 самоходных *орудия.* 11 артиллерийских и минометных батарей противника. Захвачено много трофеев и пленных.

• • •

Восточнее Винницы крупные силы танков и пехоты противника атаковали наши позиции. Завязался ожесточенный бой, в ходе которого один населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. На поле боя осталось до 500 вражеских трупов. Наши артиллеристы и бронебойщики подбили и сожгли свыше 30 танков, 6 самоходных орудий, 2 бронемашины и 9 бронетранспортеров противника.

• • •

Партизанский отряд, действующий в Барановичской области, в течение месяца пустил под откос 12 немецких воинских эшелонов. В результате крушений разбито и повреждено 10 паровозов, 9 вагонов с солдатами, 4 платформы с танками, 7 вагонов с боеприпасами и несколько десятков вагонов с военными грузами. Партизаны этого же отряда подорвали на минах 37 грузовых автомашин и сожгли два склада с военным имуществом противника.

• • •

Пленный солдат 87 противотанкового дивизиона Петр Краб рассказал: «Наш дивизион был придан 213 пехотной дивизии, находившейся во втором эшелоне. Утром началась мощная артиллерийская канонада. Вначале *мы полагали,* что это стреляет немецкая артиллерия. Но через час со всех сторон показались бегущие в *беспорядке солдаты,* преследуемые русскими танками. Командир 213 пехотной дивизии пытался организовать оборону, но из этого ничего не вышло. Солдаты бежали, куда глаза глядят. Наш дивизион также поддался общей панике. Видя, что сопротивление бесполезно, я с группой солдат сдался в плен». Пленный телефонист штабной роты 318 полка той же дивизии обер-ефрейтор Вальтер Браташ сообщил: «Наш полк не выдержал натиска русских и в беспорядке отступил. Через несколько часов командование прислало нам на помощь 25 танков, но 12 из них сразу же были подбиты русскими. Полк, отступая, за два дня потерял более половины своего *личного состава».*

Оперативная сводка за 25 января

В течение 25 января юго-западнее и южнее ПУШКИН наши войска, продолжая развивать наступление, овладели населёнными пунктами СЯСКЕЛЕВО, РЕБОЛОВО, ХИНДИКАЛОВО, ЧЕРНОВО, СЯМЕЛЕВО, СЕППЕЛЕВО, КОРПИКОВО, посёлок РОШАЛЯ, КЕККЕЛЕВО, ЛУКАШИ, ВЯХТЕЛЕВО, МЕСТЕЛЕВО, ФЕДОРОВСКОЕ, ПАБУЗИ, ЧЕРНАЯ РЕЧКА и железнодорожными станциями АНТРОПШИНО, ВЛАДИМИРСКАЯ, ФРЕЗЕРНЫЙ. Наши войска вплотную подошли к городу ГАТЧИНА (КРАСНОГВАРДЕЙСК) и завязали бои на окраинах города.

Западнее и юго-западнее КИРИШИ наши войска, преодолевая сопротивление противника и систему его инженерных заграждений на лесных дорогах, заняли несколько населённых пунктов и в ряде мест подошли к железнодорожной линии ЧУДОВО—ТОСНО.

Северо-западнее, западнее и юго-западнее НОВГОРОДА наши войска с боями продвигались вперёд и овладели населёнными пунктами СЕЛО-ГОРА, ГОРЕНКА, ПОДДУБЬЕ, ТОРГОВИЩЕ, ЛЮБОЛЯДЫ, ВАШКОВО, ОСТРОВ, МЕНЮШИ, НОВЫЙ БОРОК, НОВОЕ СЕРГОВО и железнодорожной станцией ТОРФОПОДСТИЛОЧНАЯ.

Восточнее ВИННИЦЫ и севернее ХРИСТИНОВКА наши войска успешно отбивали атаки крупных сил пехоты и танков противника и нанесли ему большие потери в живой силе и технике.

На других участках фронта — разведка, артиллерийско-миномётная перестрелка и в ряде пунктов бои местного значения.

В течение 24 января наши войска на всех фронтах подбили и уничтожили 80 немецких танков. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии сбит 71 самолёт противника.

* * *

Юго-западнее и южнее города Пушкин наши войска продолжали наступление. Вчера в боях за г. Пушкин (Царское Село) советские войска нанесли противнику большие потери и разгромили штабы трёх полков и одной немецкой дивизии. Преследуя разбитые немецкие части, бойцы Н-ского соединения сегодня заняли ряд населённых пунктов и завязали бои на окраинах города Гатчина (Красногвардейск). На железнодорожной станции Антропшино захвачен эшелон противника с танками, орудиями, пулемётами и миномётами. На другом участке советские войска, продвигаясь вперёд, истребили до 1.000 гитлеровцев. Захвачено у немцев 23 самоходных орудия, 30 миномётов, свыше 1.000 автоматов и винтовок, много снарядов, мин и другие трофеи.

Бойцы Ленинградского фронта в боях с противником показывают образцы самоотверженности *и героизма.* Автоматчики под командованием лейтенанта Коцуба на танках ворвались в один населённый пункт и уничтожили 128 гитлеровцев. Ими взято в плен 45 немецких солдат и захвачено у противника 15 тяжелых орудий, 8 миномётов и другие трофеи. Группа бойцов во главе с капитаном Трошиным заняла посёлок и, отбивая контратаки гитлеровцев, удержала его до подхода главных сил. Взвод гвардии младшего лейтенанта Меркурьева уничтожил три немецких дзота и захватил дальнобойную пушку противника. В другом районе гвардейцы Федоров, Павлушин и Павлов захватили вражескую миномётную батарею и выпустили более сотни *мин по отступающим немцам.*

• • •

Западнее и юго-западнее Кириши немцы, отступая под ударами наших войск, минируют дороги, взрывают мосты и устраивают лесные завалы. Части Н-ского соединения, преодолевая сопротивление противника, в ряде мест подошли к линии Октябрьской железной дороги между станциями Чудово—Тосно. В районе *железной дороги* стремительной атакой наши бойцы овладели сильно укреплённым опорным пунктом *противника и уничтожили до 400 гитлеровцев.* Захвачены у немцев несколько артиллерийских и миномётных батарей, склад *боеприпасов и две радиостанции.*

• • •

Северо-западнее Новгорода части Н-ского *соединения выбили немцев из населённого* пункта Подлубье и захватили 10 орудий, 83 пулемёта, много винтовок и *другие трофеи.* Западнее Новгорода наши войска, после ожесточённых боёв, овладели населённым пунктом Стехово. В ходе боёв в этом районе разгромлен артиллерийский полк и до полка пехоты противника. На поле боя осталось свыше 800 вражеских трупов. Захвачено 40 орудий, 80 автомашин и другие трофеи. Юго-западнее Новгорода наши войска развивали успешное наступление и заняли ряд населённых пунктов. В боях на этом участке разгромлены два пехотных полка противника и взято в плен много немецких солдат и офицеров.

• • •

Восточнее Винницы противник на узком участке бросил в бой крупные силы танков и пехоты. Гитлеровцы неоднократно поднимались в атаку, но не добились успеха. *Наши пехотинцы,* артиллеристы и танкисты успешно отбрасывали наседающего врага и нанесли ему тяжёлый урон. В *бесплодных атаках немцы потеряли* убитыми до 1.500 солдат и офицеров. Сожжено и подбито 63 немецких танка и самоходных орудия.

Советские лётчики и зенитчики в течение дня сбили 31 немецкий самолёт.

• • •

Несколько партизанских отрядов, действующих в Ленинградской области, разгромили три железнодорожных станции, имеющих важное значение для противника. На станциях уничтожены 2 немецких эшелона с военной техникой, сожжены склады с бензином, взорваны все крестовины, стрелки и свыше 500 железнодорожных рельс. Кроме того, советские патриоты разрушили свыше 40 километров телеграфно-телефонной линии связи.

• • •

Юго-западнее гор. Новоград-Волынский на сторону Красной Армии перешли 11 солдат 282 немецкого маршевого батальона. Перебежчик Генрих Л. рассказал: «В первых числах января мы прибыли в Шепетовку. В тот же день русская авиация *совершила налёт на станцию.* От *прямого* попадания бомб взорвался эшелон с боеприпасами. Стоявшему рядом эшелону с танками *были причинены большие повреждения.* Сильно пострадал и наш маршевый батальон. Он потерял несколько десятков солдат убитыми и более 150 человек ранеными. Остальные солдаты разбежались кто куда. Только через три дня их удалось собрать».

На другом участке перешла на сторону Красной Армии группа солдат 63 мотострелкового полка 17 немецкой танковой дивизии. Перебежчик Роберт В. заявил: «Офицеры приказали нам любой ценой удержать позиции. Это вызвало резкое недовольство не только солдат, но и унтер-офицеров. Обер-фельдфебель Штальшмидт сказал в присутствии солдат: «Это идиотский приказ. Если даже мы все ляжем здесь костьми, то все равно не удержим позиции». Унтер-офицер Матес говорил, что надо скорее отступить, пока не поздно. Не желая проливать свою кровь за проигранное дело, мы бросили позиции и сдались в плен русским».

О присвоении воинских званий тт. Ванникову Б. Л., Устинову Д. Ф., Борисову Н. А. и Кирпичникову П. И.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

Присвоить нижепоименованным лицам воинские звания, установленные Постановлениями Государственного Комитета Обороны от 3 марта 1942 года и от 4 февраля 1943 года:

Звание ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ИНЖЕНЕРНО-АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ СЛУЖБЫ

Ванникову Борису Львовичу
Устинову Дмитрию Федоровичу

Звание ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Борисову Николаю Андреевичу
Кирпичникову Петру Ивановичу

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН.

Управляющий Делами Совнаркома СССР Я. ЧАДАЕВ.

Москва, Кремль. 24 января 1944 года.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О присвоении звания Героя Социалистического Труда работникам нефтяной промышленности

За выдающиеся заслуги в деле увеличения добычи нефти, выработки нефтепродуктов, разведки новых нефтяных месторождений и бурения нефтяных скважин присвоить звание **Героя Социалистического Труда** с вручением ордена **Ленина** и золотой медали **«Серп и Молот»:**

1. **Баба-Заде** Баба Курбан Кули оглы—главному геологу треста «Азизбековнефть».
2. **Везирову** Сулейману Азад оглы—начальнику Азнефтекомбината.
3. **Рустамову** Рустам Азиз оглы—буровому мастеру треста «Сталиннефть».
4. **Седину** Ивану Корнеевичу—Народному комиссару нефтяной промышленности.
5. **Трофимуку** Андрею Алексеевичу—главному геологу Башнефтекомбината.
6. **Федорову** Виктору Степановичу—начальнику Грознефтекомбината.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 24 января 1944 года.

СООБЩЕНИЕ

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров.

В состав Комиссии вошли: член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Н. Н. Бурденко** (председатель Комиссии), член Чрезвычайной Государственной Комиссии академик **Алексей Толстой**, член Чрезвычайной Государственной Комиссии Митрополит **Николай**, председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант **Гундоров А. С.**; председатель Исполкома Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца **Колесников С. А.**, Народный Комиссар просвещения РСФСР академик **Потемкин В. П.**, начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии генерал-полковник **Смирнов Е. И.**, председатель Смоленского облисполкома **Мельников Р. Е.**

Для выполнения поставленной перед нею задачи Комиссия привлекла для участия в своей работе следующих судебно-медицинских экспертов: главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР директора Научно-Исследовательского Института судебной медицины **Прозоровского В. И.**, заведующего кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института доктора медицинских наук **Смольянинова В. М.**, ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР **Семеновского П. С.**; ст. научного сотрудника Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР доцента **Швайковой М. Д.**; гл. патолога фронта майора медицинской службы профессора **Выропаева Д. Н.**

В распоряжении Специальной Комиссии находился обширный материал, представленный членом Чрезвычайной Государственной Комиссии академиком **Н. Н. Бурденко**, его сотрудниками и судебно-медицинскими экспертами, которые прибыли в гор. Смоленск 26 сентября 1943 года, немедленно после его освобождения и провели предварительное изучение и расследование обстоятельств всех учиненных немцами злодеяний.

Специальная Комиссия проверила и установила на месте, что на 15-ом километре от гор. Смоленска по Витебскому шоссе в районе Катынского леса, именуемом «Козьи Горы», в 200-х метрах от шоссе на юго-*запад по направлению к Днепру*, находятся могилы, в которых зарыты военнопленные поляки, расстрелянные немецкими оккупантами.

По распоряжению Специальной Комиссии и в присутствии всех членов Специальной Комиссии и судебно-медицинских экспертов могилы были вскрыты. В могилах обнаружено большое количество трупов в польском военном обмундировании. Общее количество трупов по подсчету судебно-медицинских экспертов достигает 11.000.

Судебно-медицинские эксперты произвели подробное исследование извлеченных трупов и тех документов и вещественных доказательств, которые были обнаружены на трупах и в могилах.

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов Специальная Комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, показаниями которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

Из показаний свидетелей выясняется следующее:

Катынский лес

Издавна Катынский лес был излюбленным местом, где население Смоленска обычно проводило праздничный отдых. Окрестное население пасло скот в Катынском лесу *и заготовляло для себя топливо*. Никаких запретов и ограничений доступа в Катынский лес не существовало.

Такое положение в Катынском лесу существовало до самой войны. Еще летом 1941 г. в этом лесу находился пионерский лагерь Промстрахкассы, который был свернут лишь в июле 1941 г.

С захватом Смоленска немецкими оккупантами в Катынском лесу был установлен совершенно иной режим. Лес стал охраняться усиленными патрулями; во многих местах появились надписи, предупреждавшие, что лица, входящие в лес без особого пропуска, подлежат расстрелу на месте.

Особенно строго охранялась та часть Катынского леса, которая именовалась «Козьи Горы», а также территория на берегу Днепра, где, на расстоянии 700 мтр. от обнаруженных могил польских военнопленных, находилась дача — дом отдыха Смоленского Управления НКВД. По приходе немцев в этой даче расположилось немецкое учреждение, именовавшееся: «Штаб 537-го строительного батальона».

Военнопленные поляки в районе Смоленска

Специальной Комиссией установлено, что до захвата немецкими оккупантами Смоленска в западных районах области на строительстве и ремонте шоссейных дорог работали польские военнопленные офицеры и солдаты. Размещались эти военнопленные поляки в трех лагерях особого назначения, именовавшихся: лагерь № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, на расстоянии от 25 до 45 клм. на запад от Смоленска.

Показаниями свидетелей и документальными материалами установлено, что после начала военных действий, в силу сложившейся обстановки, лагери не могли быть своевременно эвакуированы и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам.

Допрошенный Специальной Комиссией быв. нач. лагеря № 1-ОН майор государственной безопасности **Ветошников В. М.** показал:

«...Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками выехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. *Я обратился к* нач. движения Смоленского участка Западной ж. д. т. **Иванову** с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза *военнопленных поляков. Но т.* **Иванов** ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря и что стало *с военнопленными поляками и* оставшейся в лагере охраной — я не знаю».

Замещавший в июле 1941 г. начальника движения Смоленского участка Западной ж. д. *инженер* **Иванов С. В.** *показал Специальной Комиссии:*

«Ко мне в отделение обращалась администрация лагерей для польских *военнопленных, чтобы получить* вагоны для отправки поляков, но свободных вагонов у нас не было. Помимо того, подать вагоны на трассу Гусино, где было *больше всего военнопленных поляков*, мы не могли, так как эта дорога уже находилась под обстрелом. Поэтому мы не могли выполнить просьб администрации лагерей. Таким образом, военнопленные поляки остались в Смоленской области».

Нахождение польских военнопленных в лагерях Смоленской обл. подтверждается показаниями многочисленных свидетелей, которые видели этих поляков близ Смоленска в первые месяцы оккупации до сентября м-ца 1941 г. включительно.

Свидетельница **Сашнева Мария Александровна**, учительница начальной школы дер. Зеньково, рассказала Специальной Комиссии о том, что в августе м-це 1941 г. она приютила у себя в доме в дер. Зеньково бежавшего из лагеря военнопленного поляка.

«...Поляк был в польской военной форме, которую *я сразу узнала, так как* в течение 1940—41 г.г. видела на шоссе группы военнопленных поляков, которые под конвоем вели какие-то работы *на шоссе... Поляк меня заинтересовал* потому, что, как выяснилось, он до призыва на военную службу был в Польше учителем начальной школы. Так как *я сама окончила* Педтехникум и готовилась быть учительницей, то потому и завела с ним разговор. Он рассказал мне, что окончил в Польше учительскую семинарию, а затем учился в какой-то военной школе и был подпоручиком запаса. С начала военных действий Польши с Германией он был призван на действительную службу, находился в Брест-Литовске, где и попал в плен к частям Красной Армии... Больше года он находился в лагере под Смоленском.

Когда пришли немцы, они захватили польский лагерь, установили в нем жестокий режим. Немцы не считали поляков за людей, всячески притесняли и издевались над ними. Были случаи расстрела поляков ни за что. Тогда он решил бежать. Рассказывая о себе, он сказал, что жена его также учительница, что у него есть два брата и две сестры...»

Уходя на другой день, поляк назвал свою фамилию, которую **Сашнева** записала в книге. В представленной **Сашневой** Специальной Комиссии книге «Практические занятия по естествознанию» Яговского на последней странице имеется запись:

«**Лоек** Юзеф и Софья. Город Замостье улица Огородная дом № 25».

В опубликованных немцами списках под № 3796 **Лоек** Юзеф, лейтенант, значится, как расстрелянный на «Козьих Горах» в Катынском лесу весной 1940 г.

Таким образом, по немецкому сообщению получается, что **Лоек** Юзеф был расстрелян за год до того, как его видела свидетельница **Сашнева**.

Свидетель **Даниленков Н. В.**, крестьянин колхоза «Красная Заря» Катынского сельсовета, *показал:*

«В 1941 г. в августе—сентябре м-це, когда пришли немцы, я встречал поляков, работающих на шоссе группами по 15—20 чел.».

Такие же показания дали свидетели: **Солдатенков** — быв. староста дер. Борок, **Колачев А. С.** — врач Смоленска, **Оглоблин А. П.** — священник, **Сергеев Т. И.** — дорожный мастер, **Смирягин П. А.** — инженер, **Московская А. М.** — жительница Смоленска, **Алексеев А. М.** — председатель колхоза дер. Борок, **Куцев И. В.** — водопроводный техник, **Городецкий В. П.** — священник, **Базекина А. Т.** — бухгалтер, **Ветрова Е. Н.** — учительница, **Савватеев И. В.** — дежурный по ст. Гнездово и др.

Облавы на польских военнопленных

Наличие военнопленных поляков осенью 1941 г. в районах Смоленска подтверждается также фактом проведения немцами многочисленных облав на этих военнопленных, бежавших из лагерей.

Свидетель **Картошкин И. М.**, плотник, показал:

«Военнопленных поляков осенью 1941 г. немцы искали не только в лесах, но и привлекалась полиция для ночных обысков в деревнях».

Быв. староста дер. Новые Батеки **Захаров М. Д.** показал, что осенью 1941 г. немцы усиленно «прочесывали» деревни и леса в поисках польских военнопленных.

Свидетель **Даниленков Н. В.**, крестьянин колхоза «Красная Заря», показал:

«У нас производились специальные облавы по розыску бежавших из-под стражи военнопленных *поляков*. Такие обыски два или три раза были в моем доме. После одного обыска я спросил старосту **Сергеева** Константина — кого ищут в нашей деревне. **Сергеев** сказал, что прибыл приказ из немецкой комендатуры, по которому во всех без исключения домах должен быть произведен обыск, так как в нашей деревне скрываются военнопленные поляки, бежавшие из лагеря. Через некоторое время обыски прекратились».

Свидетель **Фатьков Т. Е.**, колхозник, показал:

«Облавы по розыску пленных поляков производились несколько раз. Это было **в августе—сентябре 1941 года. После** сентября 1941 г. такие облавы прекратились и больше никто польских военнопленных не видел».

Расстрелы военнопленных поляков

Упомянутый выше «Штаб 537 строительного батальона», помещавшийся на даче в «Козьих Горах», *не производил никаких строительных работ*. Деятельность его была тщательно законспирирована.

Чем на самом деле занимался этот «штаб», показали многие свидетели, в том числе свидетельницы: **Алексеева А. М.**, **Михайлова О. А.** и **Конаховская З. П.** — жительницы дер. Борок Катынского с/с.

По распоряжению немецкого коменданта поселка Катынь они были направлены старостой деревни Борок — **Солдатенковым В. И.** для работы по обслуживанию личного состава «штаба» на упомянутой даче.

По прибытии в «Козьи Горы» им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано **Алексеевой, Михайловой и Конаховской** через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения, оберст-лейтенантом **Арнесом**, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о личном составе «штаба» **Алексеева А. М.** показала:

«На даче в «Козьих Горах» постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был оберст-лейтенант **Арнес**, его ад'ютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из Немцев-Поволжья, имя его кажется Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых *мне неизвестны*».

Вскоре после своего поступления на работу **Алексеева, Михайлова и Конаховская** стали замечать, что на даче совершаются *«какие-то темные дела»*.

Алексеева А. М. показала:

«...Переводчик Иоганн, от имени **Арнеса**, нас несколько раз предупреждал о том, что *мы должны «держать язык за зубами»* и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в «Козьи Горы» почти ежедневно приезжало несколько грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час, останавливались где-то на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но, примерно, одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала и машины под'езжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвра*щались на этих машинах вместе с солдатами*, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, **Конаховскую и Михайлову**) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться за тем, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах при*няла свой обычный вид*».

На вопрос Специальной Комиссии, что за люди расстреливались в лесу близ дачи, **Алексеева** ответила, что расстреливались военнопленные поляки, и в подтверждение *своих слов рассказала следующее:*

«Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась *частая одиночная стрельба. По возвращении* солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то *задержалась на даче несколько позже* обычного времени. **Михайлова и Конаховская** уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение **Розе**. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150—200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков человек 30 под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев, я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в «Козьи Горы».

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые, одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случай, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, *за исключением часовых, просыпался* поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в «Козьи Горы» мы догадывались по напря*женной обстановке, которая царила в это* время на даче...

Весь офицерский состав уходил из дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...»

Михайлова О. А. показала:

«В сентябре месяце 1941 года в лесу «Козьи Горы» очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимания на под'езжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины под'езжали к даче, то все унтер-офицеры, как по команде, шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий, рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и *попросил воды. Когда он пил из стакана воду*, я увидела кровь на обшлаге правого рукава его мундира».

Михайлова О. А. и Конаховская З. П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно бежавшие от немцев и затем пойманные.

Михайлова об этом показала:

«Однажды, как обычно, я и **Конаховская** работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то раз'яснявшими унтер-офицеру **Розе**, затем к ним подошел оберст-лейтенант **Арнес** и что-то сказал **Розе**. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство **Розе** нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик **Гливевский**, по знаку **Розе**, загнал нас *на кухню, а поляков повел в сторону* от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер **Розе** *оживленно разговаривали*. Я и **Конаховская**, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова вышли на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи ад'ютант **Арнеса** по-немецки что-то спросил **Розе**, на что последний также по-немецки ответил: «Все в порядке». Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти два поляка расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также **Конаховская З. П.**

Напуганные тем, что происходило на даче, **Алексеева, Михайлова и Конаховская** решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3-х марок в месяц в начале января 1942 г., по предложению **Михайловой**, они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную — **Михайлову** на 8 суток, а **Алексееву и Конаховскую** на 3-е суток.

После того, как они отсидели этот срок, их всех уволили.

За время своей работы на даче **Алексеева, Михайлова и Конаховская** боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе от 24 декабря 1943 года показала:

«Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и **Конаховская и Алексеева** также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что немцы в «Козьих Горах» расстреливали именно польских военнопленных, так как **Алексеева** рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес «Козьи Горы» большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу».

Аналогичные показания об этом дали также **Алексеева и Конаховская**.

Сопоставив свои наблюдения, **Алексеева, Михайлова и Конаховская** пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в «Козьих Горах» немцами производились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания **Алексеевой** подтверждаются показаниями ее отца — **Алексеева Михаила**, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила», — показал **Алексеев Михаил**, — «только приходя домой жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что *в лесу очень часто слышится* стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу «Козьи Горы» немцы расстреливают поляков. *Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил*, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья».

Показания о приводе на «Козьи Горы» военнопленных поляков небольшими группами в 20—30 человек, под охраной 5—7 немецких солдат, дали и другие свидетели, допрошенные Специальной Комиссией: **Киселев П. Г.** — крестьянин хутора «Козьи Горы», **Кривозерцев М. Г.** — плотник станции Красный Бор в Катынском лесу, **Иванов С. В.** — быв. нач. ст. Гнездово в районе Катынского леса, **Савватеев И. В.** — дежурный по той же станции, **Алексеев М. А.** — председатель колхоза дер. Борок, **Оглоблин А. П.** — священник Куприянской церкви и др.

Эти свидетели слышали и выстрелы, раздававшиеся из леса на «Козьих Горах».

Особо важное значение для выяснения того, что происходило на даче в «Козьих Горах» осенью 1941 г., имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в Смоленске — **Базилевского Б. В.**

Профессор **Базилевский** в первые дни оккупации немцами Смоленска был насильно назначен ими зам. начальника города (бургомистра), а начальником города был назначен немцами адвокат **Меньшагин Б. Г.**, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием у немецкого командования и в частности у коменданта Смоленска фон-**Швец'а**.

В начале сентября 1941 г. **Базилевский** обратился с просьбой к **Меньшагину** — ходатайствовать перед комендантом фон-**Швец** об освобождении из лагеря военнопленных № 126 педагога **Жиглинского**. Выполняя эту просьбу, **Меньшагин** обратился к фон-**Швецу** и, затем, передал **Базилевскому**, что его просьба не может быть удовлетворена, так как по словам фон-**Швец'а** «получена директива из Берлина, *предписывающая неукоснительно проводить* самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе».

«Я невольно возразил, — показал свидетель **Базилевский**, — «что же может быть жестче существующего в лагере режима?» **Меньшагин** странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть! Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить».

«Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

«Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина», — ответил **Меньшагин** и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить...»

«Недели через две после описанного выше разговора с **Меньшагиным** я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что *слышно о поляках?*» **Меньшагин** помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон-**Швец** сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

«Видя мою растерянность, **Меньшагин** снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал *«об'яснять» мне линию* поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией *антипольской политики*, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора».

Базилевский также рассказал Специальной Комиссии *о своей беседе с зондерфюрером* 7-го отдела немецкой комендатуры **Гиршфельдом** — прибалтийским немцем, хорошо говорящим по-русски:

«*Гиршфельд* с циничной откровенностью заявил мне, что исторически доказана вредность поляков и их неполноценность, а потому уменьшение *населения Польши послужит* удобрением почвы и создаст возможность для расширения жизненного пространства Германии». В этой связи **Гиршфельд** с бахвальством рассказал, что в Польше интеллигенции не осталось совершенно, так как она повешена, расстреляна и заключена в лагери».

Показания **Базилевского** подтверждены опрошенным Специальной Комиссией свидетелем — профессором физики **Ефимовым И. Е.**, которому **Базилевский** тогда же осенью 1941 г. рассказал о своем разговоре с **Меньшагиным**.

Документальным подтверждением показаний **Базилевского и Ефимова** являются собственноручные записи **Меньшагина**, сделанные им в своем блокноте.

Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского Управления Смоленска после его освобождения Красной Армией.

Принадлежность указанного блокнота **Меньшагину** и его почерк удостоверены как показаниями **Базилевского**, хорошо знающего почерк **Меньшагина**, так и графологической экспертизой.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электроэнергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных **Меньшагиным**, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры Смоленска.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города, как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

На первых трех страницах блокнота подробно изложены порядок организации еврейского «гетто» и система репрессий, которые должны к евреям применяться.

На странице 10-ой, помеченной 15 августа 1941 года, значится:

«Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру».

На странице 15-ой (без даты) записано:

«Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз. гор. (Умнову)».

Из первой записи явствует, во-первых, что 15 августа 1941 года военнопленные поляки еще находились в районе Смоленска и, во-вторых, что они арестовывались немецкими властями.

Вторая запись свидетельствует о том, что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указания о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, был начальником русской полиции Смоленска в первые месяцы его оккупации.

Возникновение немецкой провокации

Зимой 1942—43 гг. общая военная обстановка резко изменилась не в пользу немцев. Военная мощь Советского Союза все усиливалась, единение СССР с союзника*ми крепло. Немцы решили пойти на провокацию*, использовав для этой цели злодеяния, совершенные ими в Катынском лесу, и приписав их органам Советской власти. *Этим они рассчитывали поссорить русских* с поляками и замести следы своего преступления.

Священник села Куприно Смоленского р-на **А. П. Оглоблин** показал:

«...После Сталинградских событий, когда немцы почувствовали неуверенность, они подняли это дело. Среди населения пошли разговоры, что «немцы свои дела поправляют».

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы, в первую очередь, занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать нужные немцам показания.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всех к даче в «Козьих Горах» крестьянин **Киселев** Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызвали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему, якобы, известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в «Козьих Горах» расстреляли военнопленных поляков.

Об этом **Киселев** показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение.

Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе «Козьих Гор» с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам *я в преклонном возрасте*, а сыновья на войне.

После непродолжительного разговора на эту тему, офицер заявил, что по имеющимся в *гестапо сведениям, сотрудники* НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке «Козьих Гор» расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слыхал, чтобы НКВД производило расстрелы в «Козьих Горах», да и вряд ли это возможно, об'яснил я офицеру, так как «Козьи Горы» совершенно открытое многолюдное место и, если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень.

Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение.

Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания.

После первого разговора, о котором я

СООБЩЕНИЕ

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня.

В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров, произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что ложных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, **Киселев**, проживая на хуторе в районе «Козьих Гор», сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», **Киселева** заставили выступить перед прибывшей *«польской делегацией»*.

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало **Киселева** и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Об этом **Киселев** показал:

«В действительности получилось не так.

Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катынском лесу в районе «Козьих Гор» обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году.

Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район «Козьих Гор».

Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе.

Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это «польские делегаты», прибывшие для осмотра могил.

Когда мы подошли к могилам, «делегаты» на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю.

Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от «делегации» и прогнал.

На следующий день, утром, к моему двору под'ехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он об'явил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму...

После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру.

При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили.

Таких допросов, сопровождавшихся побоями, было несколько, в результате я совершенно обессилел, стал плохо слышать и не мог двигать правой рукой.

Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: «Вот видите, **Киселев**, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катынский лес и повесим». Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли «очевидца» расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками.

Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед «делегациями» в Катынском лесу...

В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году.

Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: «Я живу на хуторе в районе «Козьих Гор» недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали». И обязательно нужно было дословно заявить, что «это дело рук НКВД».

После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших «делегаций». Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо.

Однажды я выступал перед какой-то «делегацией» и мне задали вопрос: «Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками». Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т. е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой.

Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть, так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток».

Показания **Киселева П. Г.** о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой **Киселевой** Аксиньей, 1870 года рождения, его сыном **Киселевым** Василием, 1911 года рождения, и невесткой **Киселевой** Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у **Киселева** на хуторе комнату дорожным мастером **Сергеевым** Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные **Киселеву** в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от «Козьих Гор».

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово — **Иванов С. В.**, дежурный по станции **Савватеев И. В.** и другие.

Об обстоятельствах своего вызова в гестапо **Иванов С. В.**, 1882 года рождения, показал:

«...Это было в марте 1943 года. Меня допрашивал немецкий офицер в присутствии переводчика. Расспросив меня через переводчика о том, кто я такой и какую должность занимал на станции Гнездово до оккупации района немцами, офицер спросил меня, известно ли мне о том, что весной 1940 года на станцию Гнездово в нескольких поездах, большими партиями, прибыли военнопленные польские офицеры.

Я сказал, что об этом я знаю.

Тогда офицер спросил меня, известно ли мне, что большевики той же весной 1940 года, вскоре после прибытия польских офицеров, всех их расстреляли в Катынском лесу.

Я ответил, что об этом мне ничего неизвестно и что этого не может быть потому, что прибывших весной 1940 года на станцию Гнездово военнопленных польских офицеров я встречал на протяжении 1940—1941 г.г., вплоть до занятия немцами Смоленска, на дорожно-строительных работах.

Офицер тогда заявил мне, что если германский офицер утверждает, что поляки были расстреляны большевиками, то значит так было на самом деле. «Поэтому», продолжал офицер, «вам нечего бояться, и вы можете со спокойной совестью подписать протокол, что военнопленные польские офицеры были расстреляны большевиками и что вы являлись очевидцем этого».

Я ответил ему, что я старик, мне уже 61 год и на старости лет я не хочу брать греха на душу. Я могу только показать, что военнопленные поляки действительно прибыли на станцию Гнездово весной 1940 года.

Тогда германский офицер стал уговаривать меня дать требуемые показания, обещая в положительном случае перевести меня с должности сторожа на переезде и назначить на должность начальника станции Гнездово, которую я занимал при советской власти, и обеспечить меня материально.

Переводчик подчеркнул, что мои показания, как бывшего железнодорожного служащего станции Гнездово, расположенной ближе всего к Катынскому лесу, чрезвычайно важны для германского командования и что я жалеть не буду, если дам такие показания.

Я понял, что попал в чрезвычайно тяжёлое положение и что меня ожидает печальная участь, но тем не менее я вновь отказался дать германскому офицеру вымышленные показания.

После этого офицер стал на меня кричать, угрожать избиением и расстрелом, заявляя, что я не понимаю собственной выгоды. Однако, я твердо стоял на своём.

Тогда переводчик составил *короткий* протокол на немецком языке на одной странице и рассказал своими словами его содержание.

В этом протоколе был записан, как мне рассказал переводчик, только факт прибытия польских военнопленных на станцию Гнездово. Когда я стал просить, чтобы мои показания были записаны не только на немецком, но и на русском языке, то офицер окончательно вышел из себя, *избил меня резиновой палкой* и выгнал из помещения...»

Савватеев И. В., 1880 года рождения, показал:

«...В гестапо я показал, что действительно весной 1940 года на ст. Гнездово в нескольких поездах прибывали военнопленные поляки и что они на машинах проследовали дальше, а куда — мне неизвестно. Я также добавил, что этих поляков я позднее встречал неоднократно на шоссе Москва—Минск, производивших небольшими партиями ремонтные работы.

Офицер заявил мне, что я путаю, что я не мог встречать поляков на шоссе, так как они расстреляны большевиками, и требовал, чтобы я именно об этом и показал. Я отказался.

После длительных угроз и уговаривания офицер посоветовался о чем-то с переводчиком на немецком языке, и переводчик тогда *написал короткий протокол* и дал мне его на подпись, об'яснив, что здесь изложено содержание моих показаний. Я попросил переводчика дать мне возможность самому прочесть протокол, но тот оборвал меня бранью и приказал немедленно же подписать его и убираться вон. Я помедлил минуту, переводчик схватил висевшую на стене резиновую дубинку и замахнулся на меня. После этого я подписал подсунутый мне протокол. Переводчик сказал, чтобы я убирался домой и никому не болтал, иначе меня расстреляют...»

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные для них ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области **Игнатюк Е. Л.**, немцы упорно путем угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он, якобы, являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу **Игнатюк Е. Л.**, 1903 года рождения, показал:

«Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции **Алферчика**, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. **Алферчик** на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером.

Алферчик, *не получив от меня нужных показаний*, был сильно раздражен и вместе со своим ад'ютантом, которого он называл Жорж, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и **Алферчик** требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне, якобы, как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания, **Алферчик** обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь **Александров**, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и **Алферчик**, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

...В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чём мне, как шоферу, якобы, известно».

В изданной германским Министерством иностранных дел книге, в которой были помещены сфабрикованные немцами материалы по «Катынскому делу», кроме упомянутого выше **Киселева П. Г.**, были названы в качестве «свидетелей» **Годезов** (он же **Годунов**), 1877 года рождения, **Сильверстов** Григорий, 1891 года рождения, **Андреев** Иван, 1917 года рождения, **Жигулев** Михаил, 1915 года рождения, **Кривозерцев** Иван, 1915 года рождения, и **Захаров** Матвей, 1893 года рождения.

Проверкой установлено, что первые двое из перечисленных выше (**Годезов и Сильверстов**) умерли в 1943 г. до освобождения Смоленской области Красной Армией; следующие трое (**Андреев, Жигулев и Кривозерцев**) ушли с немцами, а может быть были ими увезены насильно, а последний — **Захаров** Матвей — бывший сцепщик на станции Смоленск, работавший при немцах *старостой в дер. Новые Батеки, был разыскан* и допрошен Специальной Комиссией.

Захаров рассказал, каким способом немцы получили у него нужные им ложные показания *по «Катынскому делу»*:

«В начале марта 1943 года,— показал **Захаров**,— ко мне на квартиру пришёл сотрудник Гнездовского гестапо, фамилии его я не знаю, и сказал, что меня вызывает офицер.

Когда я пришёл в гестапо, немецкий офицер через переводчика заявил мне: «Нам известно, что вы работали сцепщиком на ст. Смоленск-центральная и должны показать, что в 1940 году через Смоленск направлялись вагоны с военнопленными поляками на станцию Гнездово, после чего поляки были расстреляны *в лесу у «Козьих Гор»*.

В ответ на это я заявил, что вагоны с поляками в 1940 году действительно проходили через Смоленск по направлению на запад, но где была станция назначения — я не знаю...

Офицер сказал мне, что если я по-хорошему не желаю дать показания, то он заставит сделать это по принуждению. После этих слов он взял резиновую дубинку и начал меня избивать. Затем меня положили на скамейку, и офицер вместе с переводчиком били меня. Сколько было нанесено ударов, я не помню, т. к. вскоре потерял сознание.

Когда я пришёл в себя, офицер потребовал от меня подписать протокол допроса, и я, смалодушничав, под воздействием побоев и угроз расстрела, дал ложные показания и подписал протокол. После подписания протокола я был из гестапо отпущен...

Через несколько дней после моего вызова в гестапо, примерно в середине марта 1943 года, ко мне на квартиру пришёл переводчик и сказал, что я должен пойти к немецкому генералу и подтвердить там свои показания.

Когда мы пришли к генералу, он спросил у меня — подтверждаю ли я свои показания. Я сказал, что подтверждаю, т. к. ещё в пути был предупреждён переводчиком, что если я откажусь подтвердить показания, то испытаю ещё гораздо худшее, чем испытал в первый раз в гестапо.

Боясь повторения пыток, я ответил, что свои показания подтверждаю. Потом переводчик приказал мне поднять вверх правую руку и сказал мне, что я принял присягу и могу итти домой».

Установлено, что немцы пытались получить нужные им показания, применяя уговоры, угрозы и истязания, и от других лиц, в частности от бывшего помощника начальника Смоленской тюрьмы **Каверзнева Н. С.**, бывшего работника той же тюрьмы **Ковалева В. Г.** и других.

Так как поиски нужного количества свидетелей не увенчались успехом, немцы расклеили в г. Смоленске и окрестных деревнях следующую листовку, подлинный экземпляр которой имеется в материалах Специальной Комиссии:

Обращение к населению

Кто может дать данные про массовое убийство совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи горы около шоссе Гнездово — Катын?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездова в Козьи горы или

кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом?

Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица 6, в Гнездово, в немецкую полицию дом № 105 у вокзала.

Фосс

лейтенант полевой полиции

3 май 1943 г.

Такое же об'явление было помещено в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы сулили награду за дачу нужных им показаний по «катынскому делу», заявили опрошенные Специальной Комиссией свидетели — жители гор. Смоленска: **Сонолова О. Е.**, **Пущина Е. А.**, **Бычков И. И.**, **Бондарев Г. Т.**, **Устинов Е. П.** и многие др.

Обработка катынских могил

Наряду с поисками «свидетелей», немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к из'ятию из одежды убитых ими польских военнопленных всех документов, помеченных датами позднее апреля 1940 года, т. е. времени, когда, согласно немецкой провокационной версии, поляки были расстреляны большевиками; к удалению всех вещественных доказательств, могущих опровергнуть ту же провокационную версию.

Расследованием Специальной Комиссии установлено, что для этой цели немцами были использованы русские военнопленные числом до 500 человек, специально отобранные из лагеря военнопленных № 126.

Специальная Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями по этому вопросу.

Из них особого внимания заслуживают показания врачебного персонала упомянутого лагеря.

Врач **Чижов А. Т.**, работавший в лагере № 126 в дни оккупации немцами Смоленска, показал:

«...Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126, из числа более физически крепких пленных, отобрано было несколько партий, общим количеством до 500 человек, для направления, якобы, на окопные работы. Впоследствии никто из этих пленных в лагерь не вернулся».

Врач **Хмыров В. А.**, также работавший при немцах в том же лагере, показал:

«Мне известно, что примерно во второй половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из нашего лагеря было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправка этих пленных производилась, якобы, на окопные работы, почему и отбирались физически полноценные люди...»

Тождественные показания дали: медсестра **Леньковская О. Г.**, медсестра **Тимофеева А. И.**, свидетельницы **Орлова П. М.**, **Добросердова Е. Г.** и свидетель **Кочетков В. С.**

Куда на самом деле были направлены 500 советских военнопленных из лагеря № 126, явствует из показаний свидетельницы **Московской А. М.**

Гр-ка **Московская** Александра Михайловна, проживавшая на окраине гор. Смоленска и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 г. заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов *с просьбой вызвать её для дачи важных показаний*.

Будучи вызвана, она рассказала Специальной Комиссии, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нём неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, показала:

«...Из разговора с ним я узнала следующее:

Его фамилия **Егоров**, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он всё время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и **Егорова**, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не оставлять.

Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу из'ятых таким образом вещей и документов, которые потом сжигались.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом и усиленно охранялись...

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать...

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. **Егоров** заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3—4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от **Егорова** несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. **Егоров** воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне **Егорова** стало очень жаль и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но **Егоров** не согласился... Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии.

Но в этот вечер **Егоров** не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день—два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть. Накормив **Егорова**, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседки — **Баранова** Мария Ивановна и **Кабановская** Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой».

В связи с обнаружением в сарае **Московской** военнопленного **Егорова** она вызывалась в гестапо, где ее обвиняли в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от **Московской**, а также и потому, что военнопленный **Егоров**, видимо, **Московскую** не выдал, она была выпущена из гестапо.

Тот же **Егоров** рассказал **Московской**, что часть военнопленных, работавших в Катынском лесу, помимо выкапывания трупов, занималась привозом в Катынский лес трупов из других мест. Привезенные трупы сваливались в ямы вместе с выкопанными ранее трупами.

Факт доставки в катынские могилы в большом количестве трупов расстрелянных немцами в других местах подтверждается также показаниями инженера-механика **Сухачева П. Ф.**

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван Специальной Комиссией, он показал:

«...Как-то раз на мельнице во второй половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, немного владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день, в десятом часу вечера, мы выехали на шоссе Смоленск—Витебск. Нас в машине было двое — я и немец-шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22—23 километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен об'езд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на об'езд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли от того, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что об'езд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было не сильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако, встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор. Наша машина осталась на колесах. Я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули, и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6—7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии под'ехали еще две грузовых машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот также тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина ещё не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьёзных повреждений не было, то шофер, отведя её немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах».

Показания **Сухачева** подтверждаются показаниями **Егорова** Владимира Афанасьевича, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссейных дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шёл сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по нескольку человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях **Егоров** доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка **Головневу** Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катынский лес, дал также показания **Яковлев-Соколов** Флор Максимович, 1896 года рождения, бывш. агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катынского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катынский лес прошли четыре крытых брезентом грузовых автомашины, в которых сидело несколько человек, вооружённых автоматами и винтовками. От этих машин шёл резкий трупный запах.

Из приведенных свидетельских показаний со всей ясностью можно заключить, что немцы расстреливали поляков и в других местах. Свозя их трупы в Катынский лес, они преследовали троякую цель: во-первых, уничтожить следы своих собственных злодеяний; во-вторых, свалить свои преступления на Советскую власть; в-третьих, увеличить количество «большевистских жертв» в могилах Катынского леса.

«Экскурсии» на катынские могилы

В апреле месяце 1943 года, закончив все подготовительные работы на могилах в Катынском лесу, немецкие оккупанты приступили к широкой агитации в печати и по радио, пытаясь приписать Советской власти зверства, совершённые ими самими над военнопленными поляками. В качестве одного из методов этой провокационной агитации, немцы организовали посещения катынских могил жителями Смоленска и его окрестностей, а также и «делегациями» из стран, оккупированных немецкими захватчиками, или находящихся в вассальной зависимости от них.

Специальная Комиссия опросила ряд свидетелей, участвовавших в «экскурсиях» на катынские могилы.

Свидетель **Зубков К. П.** врач патологоанатом, работавший в качестве судебномедицинского эксперта в Смоленске, показал Специальной Комиссии:

«...Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, была довольно хорошо сохранившейся. Металлические части одежды — пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках и прочее имели не резко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла. Доступные осмотру ткани тела трупов — лица, шеи, руки имели преимущественно грязный зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей, гниения не было. В отдельных случаях были видны обнажённые сухожилия белесоватого цвета и часть мышц. Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивали их за руки, за ноги и одежду с места на место. Ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались, или чтобы отрывались у них отдельные части.

Учитывая всё вышеизложенное, я пришёл к выводу, что давность пребывания трупов в земле — не три года, как утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение трупов протекает быстрее, чем в одиночных и тем более без гробов, я пришёл к выводу, что массовый расстрел поляков был произведён около полутора лет тому назад и может относиться к осе-

(Окончание см. на 4 стр.).

СООБЩЕНИЕ

Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров

(Окончание. Начало см. 2 и 3 стр.).

ни 1941 г. или весне 1942 г. В результате посещения раскопок, я твёрдо убедился, что совершённое чудовищное злодеяние — дело рук немцев».

Показания о том, что одежда трупов, ее металлические части, обувь, а также сами трупы хорошо сохранились, дали допрошенные Специальной Комиссией многочисленные свидетели, участвовавшие в «экскурсиях» на катынские могилы, в том числе: заведующий Смоленской водопроводной сетью **Куцев И. З.**, учительница катынской школы **Ветрова Е. Н.**, телефонистка Смоленского отделения связи **Щедрова Н. Г.**, житель дер. Борок **Алексеев М. А.**, житель дер. *Новые Батеки* **Кривозерцев Н. Г.**, дежурный по ст. Гнездово **Савватеев И. В.**, гражданка Смоленска **Пущина Е. А.**, врач 2-й Смоленской больницы **Сидорук Т. А.**, врач той же больницы **Кесарев П. М.** *и др.*

Попытки немцев замести следы своих злодеяний

Организованные немцами «экскурсии» не достигали своей цели. Все побывавшие на могилах убеждались в том, что перед *ними налицо самая грубая и явная немецко-фашистская* провокация. Поэтому со стороны немецких властей принимались меры к тому, чтобы заставить сомневающихся молчать.

Специальная Комиссия располагает показаниями целого ряда свидетелей, которые рассказали о том, как преследовали немецкие власти тех, кто сомневался, или не верил в провокацию. Их увольняли со службы, арестовывали, угрожали расстрелом. Комиссия установила два случая расстрела за неумение «держать язык на привязи»: такая расправа была учинена над бывшим немецким полицейским **Загайновым** и над **Егоровым А. М.**, работавшим на раскопках могил в Катынском лесу.

Показания о преследовании немцами людей, выражавших свои сомнения после посещения могил в Катынском лесу, дали: уборщица аптеки № 1 Смоленска **Зубарева М. С.**, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела Смоленска **Козлова В. Ф.** и другие.

Быв. нач. полиции катынского участка **Яковлев-Соколов Ф. М.** показал:

«Создалась обстановка, вызывавшая *серьезную тревогу* в немецкой комендатуре, и на места полицейским аппаратам срочно были даны указания, во что бы то ни стало пресечь все вредные *разговоры и арестовать всех лиц*, высказывающих неверие в «катынское дело».

Мне лично, как нач. участковой полиции, такие указания дали: в конце мая 1943 г. немецкий комендант с. Катынь обер-лейтенант **Браунг** и в начале июня — нач. Смоленской районной полиции **Каменецкий.**

Я созвал инструктивное совещание полицейских своего участка, на котором предложил задерживать и доставлять в полицию каждого высказывающего неверие и сомневающегося в правдоподобии сообщений немцев о расстреле большевиками польских военнопленных.

Выполняя эти указания немецких властей, я явно кривил душой, так как сам был уверен, что «катынское дело» — немецкая провокация. Полностью *я убедился в этом*, когда лично побывал на «экскурсии» в Катынском лесу».

Видя, что «экскурсии» местного населения на катынские могилы не достигают цели, *немецкие оккупационные власти* летом 1943 г. распорядились зарыть эти могилы.

Перед своим отступлением из Смоленска *немецкие оккупационные власти стали* наспех заметать следы своих злодеяний. Дача, которую занимал «штаб 537 строительного батальона», была сожжена до тла. Трёх девушек — **Алексееву, Михайлову** и **Конаховскую** немцы разыскивали в дер. Борок, чтобы увезти с собой, а может быть и уничтожить. Разыскивали немцы и своего главного «свидетеля» — **Киселева П. Г.**, но тот вместе со своей семьей успел скрыться. Немцы сожгли его дом.

Немцы старались схватить и других «свидетелей» — б. начальника станции Гнездово **Иванова С. В.** и б. дежурного по этой станции **Савватеева И. В.**, а также б. сцепщика ст. Смоленск **Захарова М. Д.**

В самые последние дни перед отступлением из Смоленска немецко-фашистские оккупанты искали профессоров **Базилевского** и **Ефимова.** Обоим удалось избегнуть увоза или смерти лишь потому, что они заблаговременно скрылись.

Однако, замести следы и скрыть свои преступления немецко-фашистским захватчикам не удалось.

Произведенная судебно-медицинская экспертиза эксгумированных трупов с *неопровержимой ясностью* доказывает, что расстрел военнопленных поляков был произведён самими немцами.

Ниже приводится акт судебно-медицинской экспертизы.

Акт судебно-медицинской экспертизы

По указанию Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками *в Катынском лесу (близ гор. Смоленска)* военнопленных польских офицеров, судебно-медицинская экспертная комиссия в составе:

Главного судебно-медицинского эксперта Наркомздрава СССР, директора Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — **В. И. Прозоровского;**

Профессора судебной медицины 2-го Московского Государственного медицинского института, доктора медицинских наук — **В. М. Смольянинова;**

Профессора патологической анатомии, доктора медицинских наук — **Д. Н. Выропаева;**

Старшего научного сотрудника Танатологического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доктора **П. С. Семеновского;**

Старшего научного сотрудника Судебно-Химического отделения Государственного Научно-Исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР, доцента **М. Д. Швайковой;**

при участии:

Главного судебно-медицинского эксперта Западного фронта, майора медицинской службы **Никольского;**

Судебно-медицинского эксперта Н... армии, капитана медицинской службы **Бусоедова;**

Начальника Патолого-анатомической лаборатории 92, майора медицинской службы — **Субботина;**

Майора медицинской службы **Оглоблина;**

Врача-специалиста, старшего лейтенанта медицинской службы **Садыкова;**

Старшего лейтенанта медицинской службы **Пушкаревой;**

в период с 16-го по 23-е января 1944 г. произвела эксгумацию и судебно-медицинское исследование трупов польских военнопленных, погребенных в могилах на территории «Козьи Горы» в Катынском лесу, в 15-ти километрах от гор. Смоленска. Трупы польских военнопленных были погребены в общей могиле размером около 60 × 60 × 3 метра и, кроме того, в отдельной могиле размером около 7 × 6 × 3,5 метра. Из могил эксгумировано и *исследовано* 925 трупов.

Эксгумация и судебно-медицинское исследование трупов произведены для установления:

а) *личности покойных;*
б) причины смерти;
в) давности погребения.

Обстоятельства дела: см. материалы Специальной Комиссии.

Об'ективные данные: см. протоколы судебно-медицинских исследований трупов.

Заключение

Судебно-медицинская экспертная комиссия, основываясь на результатах судебно-медицинских исследований трупов, приходит к следующему заключению:

По раскрытии могил и извлечении трупов из них установлено:

а) среди массы трупов польских военнопленных находятся трупы в гражданской одежде, количество их по отношению к общему числу исследованных трупов незначительно (всего 2 из 925 извлеченных трупов); на трупах были *надеты ботинки военного образца;*

б) одежда на трупах военнопленных свидетельствует об их принадлежности к офицерскому и частично к рядовому *составу польской армии;*

в) обнаруженные при осмотре одежды разрезы карманов и сапог, вывороченные карманы и разрывы их показывают, что вся одежда на каждом трупе (шинель, брюки и др.), как правило, носит на себе следы обыска, произведенного на трупах;

г) в некоторых случаях при осмотре одежды отмечена целость карманов. В этих карманах, а также в разрезанных и разорванных карманах, под подкладкой мундиров, в поясах брюк, в портянках и носках найдены обрывки газет, брошюры, молитвенники, почтовые марки, открытые и закрытые письма, квитанции, записки и другие документы, а также ценности (слиток золота, золотые доллары), трубки, перочинные ножи, курительная бумага, носовые платки и др.;

д) на части документов (даже без специальных исследований) при осмотре их констатированы даты, относящиеся к периоду от 12 ноября 1940 г. до 20 июня 1941 г.;

е) ткань одежды, особенно шинелей, мундиров, брюк и верхних рубашек, хорошо сохранилась и с очень большим трудом поддается разрыву руками;

ж) у очень небольшой части трупов *(20 из 925)* руки *оказались связанными* позади туловища с помощью белых плетёных шнуров.

Состояние одежды на трупах, именно тот факт, что мундиры, рубашки, поясные ремни, брюки и кальсоны застегнуты; сапоги или ботинки надеты; шарфы и галстуки повязаны вокруг шеи, помочи пристегнуты, рубашки заправлены в брюки — свидетельствует, что наружного осмотра туловища и конечностей трупов ранее не производи*лось.*

Сохранность кожных покровов на голове и отсутствие на них, а также на покровах груди и живота (кроме трёх случаев из 925) каких бы то ни было надрезов, разрезов и других признаков экспертной деятельности указывает, что судебно-медицинского исследования трупов не производилось, судя по эксгумированным судебно-медицинской экспертной комиссией трупам.

Наружный и внутренний осмотры 925 трупов *дают основания утверждать наличие* огнестрельных ранений головы и шеи, в четырёх случаях сочетавшихся с повреждением костей свода черепа тупым, твёр*дым, тяжёлым предметом. Кроме* того, в незначительном количестве случаев обнаружено повреждение живота при одновременном ранении головы.

Входные отверстия огнестрельных ранений, как правило, единичные, реже — двойные, расположены в затылочной области головы вблизи от затылочного бугра, большого затылочного отверстия или на его краю. В небольшом числе случаев входные огнестрельные отверстия найдены на задней поверхности шеи, соответственно 1, 2, 3 шейным позвонкам.

Выходные отверстия обнаружены чаще всего в лобной области, реже — в теменных и височных областях, а также на лице и шее. В 27 случаях огнестрельные ранения *оказались слепыми (без выходных отверстий)* и в конце пулевых каналов под мягкими покровами черепа, в его костях, в оболочках и веществе мозга найдены деформированные, слабодеформированные и вовсе недеформированные оболочечные пули, применяемые при стрельбе из автоматических пистолетов, преимущественно калибра 7,65 мм.

Размеры входных отверстий на затылочной кости допускают вывод, что при расстрелах было употреблено огнестрельное оружие двух калибров: в подавляющем большинстве случаев — менее 8 мм, т. е. 7,65 мм и менее; в меньшем числе — свыше 8 мм, т. е. 9 мм.

Характер трещин костей черепа и обнаружение в некоторых случаях пороховых остатков у входного отверстия говорит о том, *что выстрелы* были произведены в упор или почти в упор.

Взаиморасположение входных и выходных отверстий показывает, что выстрелы производились *сзади, при наклоненной* вперёд голове. При этом пулевой канал проходил через жизненно важные отделы головного мозга или вблизи от них и разрушение ткани мозга являлось причиной смерти.

Обнаруженные на костях свода черепа повреждения тупым, твёрдым, тяжёлым предметом сопутствовали огнестрельным ранениям головы и сами по себе причиной смерти не служили.

Судебно-медицинские исследования трупов, произведенные в период с 16 по 23 января 1944 г., свидетельствуют о том, что совершенно не имеется трупов в состоянии гнилостного распада или разрушения и что все 925 трупов находятся в сохранности — в начальной стадии потери трупом влаги (что наиболее часто и резко было выражено в области груди и живота, иногда и на конечностях; в начальной стадии жировоска; в резкой степени жировоска у трупов, извлечённых со дна могил); в сочетании обезвоживания тканей трупа и образования жировоска.

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что мышцы туловища и конечностей совершенно сохранили свою макроскопическую структуру и свой почти обычный цвет; внутренние органы грудной и брюшной полости сохранили свою конфигурацию, в целом ряде случаев мышца сердца на разрезах имела ясно различимое строение и присущую ей окраску, а головной мозг представлял характерные структурные особенности с отчётливо выраженной границей серого и белого вещества. Кроме макроскопического исследования тканей и органов трупа, судебно-медицинской экспертизой из'ят соответствующий материал для последующих микроскопических и *химических исследований в лабораторных* условиях.

В сохранении тканей и органов трупов имели известное значение свойства почвы на месте обнаружения.

По раскрытии могил и из'ятии трупов и пребывания их на воздухе они подвергались *действию тепла и влаги в весенне-*летнее время 1943 г. Это могло оказать влияние на резкое развитие процесса разложения трупов.

Однако степень обезвоживания трупов и образования в них жировоска, особо хорошая *сохранность* мышц и внутренних органов, а также и одежды дают основания утверждать, что трупы находились в почве недолгое время.

Сопоставляя же состояние трупов в могилах на территории «Козьи Горы» с состоянием трупов в других местах захоронения в г. Смоленске и его ближайших окрестностях — в Гедеоновке, Магаленщине, Реадовке, лагере № 126, Красном бору и т. д. (см. акт суд. мед. экспертизы от 22-го октября 1943 г.), надлежит признать, что погребение трупов польских военнопленных на территории «Козьи Горы» произведено около 2-х лет тому назад. Это находит свое полное подтверждение в обнаружении в одежде на трупах документов, исключающих более ранние сроки погребения (см. пункт «д» ст. 36 и опись документов).

Судебно-медицинская экспертная комиссия на основе данных и результатов исследований —

считает установленным акт умерщвления путём расстрела военнопленных офицерского и частично рядового состава польской армии;

утверждает, что этот расстрел относится к периоду около 2-х лет тому назад, т. е. между сентябрем — декабрем 1941 г.;

усматривает в факте обнаружения судебно-медицинской *экспертной* комиссией в одежде трупов ценностей и документов, имеющих дату 1941 г. — доказательство того, что немецко-фашистские власти, предпринявшие в весенне-летнее время 1943 г. обыск трупов, произвели его не тщательно, а обнаруженные документы свидетельствуют о том, что расстрел произведён после июня 1941 г.;

констатирует, что в 1943 г. немцами произведено крайне ничтожное число вскрытий трупов расстрелянных польских военнопленных;

отмечает полную идентичность метода расстрела польских военнопленных со спо*собом расстрелов мирных советских* граждан и советских военнопленных, широко практиковавшимся немецко-фашистскими властями на временно оккупированной территории СССР, в том числе в городах — Смоленске, Орле, Харькове, Краснодаре, Воронеже.

Главный судебно-медицинский эксперт Наркомздрава СССР, директор Государственного научно-исследовательского института судебной медицины Наркомздрава СССР — В. И. ПРОЗОРОВСКИЙ.

Профессор судебной медицины 2-го Московского государственного медицинского института, доктор медицинских наук — В. М. СМОЛЬЯНИНОВ.

Профессор патологической анатомии, доктор медицинских наук — Д. Н. ВЫРОПАЕВ.

Старший научный сотрудник танатологического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доктор — П. С. СЕМЕНОВСКИЙ.

Старший научный сотрудник судебно-химического отделения Государственного научно-исследовательского института судебной медицины НКЗ СССР, доцент — М. Д. ШВАЙКОВА.

гор. Смоленск. 24 января 1944 года.

Документы, найденные на трупах

Кроме данных, зафиксированных в акте судебно-медицинской экспертизы, время расстрела немцами военнопленных польских офицеров (осень 1941 г., а не весна 1940 г., как утверждают немцы) устанавливается также и обнаруженными при вскрытии могил документами, относящимися не только ко второй половине 1940 г., но и к весне и лету (март — июнь) 1941 г.

Из обнаруженных судебно-медицинскими экспертами документов заслуживают особого внимания следующие:

1. На трупе № 92:

Письмо из Варшавы, адресованное Красному Кресту в Центральное Бюро военнопленных — Москва, ул. Куйбышева, 12. Письмо написано на русском языке. В этом письме Софья **Зигонь** просит сообщить местопребывание ее мужа Томаша **Зигоня.** Письмо датировано **12.IX—40 г.** На конверте имеется немецкий почтовый штамп — «Варшава, IX—40» и штамп — «Москва, почтамт 9 *экспедиция*, 28.IX—40 года» и резолюция красными чернилами на русском языке: «Уч. установить лагерь и направить для вручения. 15.XI—40 г.» (подпись неразборчива).

2. На трупе № 4:

Почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем «Тарнополь **12.XI—40 г.»**

Рукописный текст и адрес обесцвечены.

3. На трупе № 101:

Квитанция № 10293 от 19.XII—1939 г., выданная Козельским лагерем о приеме от Левандовского Эдуарда Адамовича золотых часов. На обороте квитанции имеется запись **от 14 марта 1941 г.** о продаже этих часов Ювелирторгу.

4. На трупе № 46:

Квитанция (№ неразборчив), выданная 16.XII—1939 г. Старобельским лагерем о приеме от **Арашкевича** Владимира Рудольфовича золотых часов. На обороте квитанции имеется отметка **от 25 марта 1941 г.** о том, что часы проданы Ювелирторгу.

5. На трупе № 71:

Бумажная иконка с изображением Христа, обнаруженная между 144 и 145 страницами католического молитвенника. На обороте иконки имеется надпись, из которой разборчива подпись — «Ядвиня» и дата **«4 апреля 1941 г.»**

6. На трупе № 46:

Квитанция от **6 апреля 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приеме от **Арашкевича** денег в сумме 225 рублей.

7. На том же трупе № 46:

Квитанция от **5 мая 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приеме от **Арашкевича** денег в сумме 102 рубля.

8. На трупе № 101:

Квитанция от **18 мая 1941 г.**, выданная лагерем № 1-ОН о приеме от **Левандовского Э.** денег в сумме 175 рублей.

9. На трупе № 53:

Неотправленная почтовая открытка на польском языке в адрес: Варшава, Багателя 15 кв. 47 Ирене **Кучинской.** Датирована **20 июня 1941 г.** Отправитель Станислав **Кучинский.**

Общие выводы

Из всех материалов, находящихся в распоряжении Специальной Комиссии, а именно — показаний свыше 100 опрошенных *ею свидетелей*, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, извлеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают нижеследующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на дорожно-строительных работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск до сентября 1941 г. включительно;

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. производились немецкими оккупационными властями массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей;

3. Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием «штаб 537 *строительного* батальона», во главе которого стояли оберстлейтенант **Арнес** и его сотрудники — обер-лейтенант **Рекст**, лейтенант **Хотт;**

4. *В связи с ухудшением для Германии* общей военнополитической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти в провокационных целях предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете поссорить русских с поляками;

5. В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики, путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний, старались найти «свидетелей» из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом *скрыть следы своих собственных злодеяний* и увеличить число «жертв большевистских зверств» в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работ по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих их документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны.

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются:

а) время расстрела — осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами *при расстреле польских военнопленных* того же способа пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан *в других городах*, в частности, в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске.

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил;

8. Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику физического уничтожения славянских народов.

Председатель Специальной Комиссии, член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик (Н. Н. БУРДЕНКО).

ЧЛЕНЫ. Член Чрезвычайной Государственной Комиссии, академик (Алексей ТОЛСТОЙ).

Член Чрезвычайной Государственной Комиссии — Митрополит (НИКОЛАЙ).

Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант (А. С. ГУНДОРОВ).

Председатель Исполкома Союза Обществ «Красного Креста» и «Красного Полумесяца» (С. А. КОЛЕСНИКОВ).

Народный Комиссар Просвещения РСФСР, академик (В. П. ПОТЕМКИН).

Начальник Главного Военно-Санитарного Управления Красной Армии, генерал-полковник (Е. И. СМИРНОВ).

Председатель Смоленского облисполкома (Р. Е. МЕЛЬНИКОВ).

24 января 1944 года, гор. Смоленск.

В Консультативном Совете по вопросам Италии

АЛЖИР, 25 января. (ТАСС). Публикуется следующее коммюнике: «Консультативный Совет по вопросам Италии провел свое шестое заседание в Алжире 25 января. Присутствовали: А. Вышинский — от СССР (председательствующий), Г. Макмиллан — от Соединённого Королевства, Р. Массигли — от Французского Комитета Национального Освобождения, Г. Рейнхардт — от Соединённых Штатов. Совет обсуждал политическое и экономическое положение Италии и рассмотрел текущие дела».

Положение в Софии

СТАМБУЛ, 24 января. (ТАСС). По полученным здесь сведениям, в Софии по-прежнему царит дезорганизация. Вопреки правительственным распоряжениям государственные учреждения до сих пор не работают. Торговля свёрнута, торговцы, забрав остатки товаров, бежали из города. Во всём городе открылось лишь три ресторана, в которых готовят только одно жидкое блюдо. Посетителям запрещено оставаться в ресторане более 30 минут.

Министры появляются в Софии только днём, на ночь же они уезжают из города.

Подробности налета на Берлин

ЛОНДОН, 23 января. (ТАСС). Английское министерство информации сообщает, что налет английских бомбардировщиков на Берлин в ночь на 21 января был весьма концентрированным. Крупные соединения 4-моторных английских бомбардировщиков «Ланкастер» и «Галифакс» сбросили на Берлин в течение 30 минут свыше 2.300 тонн бомб. Таким образом, в среднем в минуту сбрасывалось около 80 тонн бомб. Установлено, что в отдельные моменты сбрасывалось значительно больше 100 тонн бомб в минуту.

Газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» сообщает, что с середины ноября до конца 1943 года на Берлин было сброшено 12 тыс. тонн бомб.

Решения Национального Комитета Американского всеславянского конгресса

ПИТТСБУРГ, 23 января. (Спец. корр. ТАСС). Закончилась сессия Национального Комитета Американского всеславянского конгресса, продолжавшаяся в течение двух дней. *Присутствовавшие на сессии делегаты* единодушно приняли резолюцию, одобряющую военную политику Рузвельта, решения Тегеранской, Московской и Каирской конференций, Советско-чехословацкий договор, и обратились с призывом к Американской Федерации Труда и независимым профсоюзам железнодорожников принять участие в международной профсоюзной конференции, которая состоится в Лондоне 5 июня.

Подчеркивая единство, с которым славяне, проживающие в Америке, поддерживают решения Тегеранской конференции, конгресс в своем заявлении указывает: «Тегеран сцементировал боевое единство ведущих держав Об'единенных наций и вынес приговор гитлеровской Германии и ее сателлитам. Мы считаем решения исторической Тегеранской конференции программой победы и мира. Тегеранская конференция гарантирует эту победу, а также является ключом к организации прочного демократического мира». В заявлении далее указывается, что силы реакции в США развивают деятельность против Рузвельта с целью «добиться поражения прогрессивных сил США и использовать президентские выборы 1944 года для достижения своих антипатриотических целей».

Резолюция призывает организованных *рабочих и все прогрессивные силы к поддерж*ке Рузвельта.

В резолюции высоко оцениваются достижения Красной Армии, а также югославского партизанского правительства, польских, чешских и югославских вооруженных сил, действующих на стороне Советского Союза, и героической борьбы славянских братьев против общего врага. «Тегеран является символом единства, символом окончательной победы и длительного мира».

Конгресс обратился с приветствиями к Красной Армии и к Всеславянскому комитету в Москве.

Конгресс единодушно осудил деятельность реакционных польских групп в США. «Создание «Комитета американских поляков — членов профсоюзов» доказывает, — говорится в резолюции конгресса, — что реакционеры, организованные когортой Матушевского, не представляют польский народ. Эти реакционеры пытаются подорвать политику Рузвельта и стремятся нанести Рузвельту поражение в 1944 году, ибо они *предпочитают мир* с Гитлером, в результате переговоров, победе Об'единенных наций».

Военные действия в Италии

ЛОНДОН, 25 января. (ТАСС). Главная *ставка войск союзников в Италии* сообщает, что предмостное укрепление, созданное южнее Рима, было расширено и укреплено. Порт Анцио находится в руках союзников. Войска союзников продвинулись далее в глубь территории, но не встретили ещё значительного сопротивления противника.

Город Неттуно (к югу от Рима) занят войсками союзников.

В южном секторе фронта американской 5-й армии контратаки противника были отбиты. На двух участках войска союзников продвинулись вперёд, несмотря на упорное *сопротивление противника. На фронте* английской 8-й армии продолжаются действия патрулей.

Вчера тяжёлые бомбардировщики союзников совершили налёт на сортировочную станцию Вратца близ Софии и на Скопле в Югославии.

ЛОНДОН, 25 января. (ТАСС). Агентство Рейтер передаёт из *Алжира*, что войска союзников продвинулись по меньшей мере на 20 км. в глубь территории от предмостного укрепления южнее Рима.

Заявление английского адмирала

ЛОНДОН, 24 января. (ТАСС). По сообщению агентства Рейтер, выступивший с речью в гор. *Лидсе* начальник информационной службы морского министерства член парламента адмирал Джеймс заявил: «Что касается английского военно-морского флота, то он полностью готов к открытию второго фронта, и, что бы от него ни потребовалось, он все выполнит. Война может закончиться только одним путём: морской флот под защитой авиации доставит и высадит армию в намеченных пунктах, которые предварительно будут подготовлены бомбардировкой с воздуха».

К положению в Боливии

ВАШИНГТОН, 25 января. (ТАСС). Государственный департамент США опубликовал заявление, в котором говорится, что насильственное свержение боливийского правительства, совершенное 20 декабря 1943 года, произошло при таких обстоятельствах, которые дают основание связывать эту акцию с деятельностью групп, враждебных делу союзников. Поэтому правительство США отрицательно решило вопрос о признании нынешнего боливийского правительства.

США отозвали из Боливии своего посла Болла.

ЛОНДОН, 25 января. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, министр иностранных дел Иден заявил сегодня в палате об*щин*, что английское правительство не признает правительство, созданное в Боливии в результате переворота 20 декабря минувшего года, законным правительством Боливии, и английский *посланник*, назначенный в *Ла Пас* (столица Боливии), не отправится к месту своего назначения.

Производственные профсоюзы США поддерживают кандидатуру Рузвельта

НЬЮ-ЙОРК, 24 января. (ТАСС). В Нью-Йорке состоялся митинг представителей профсоюзов, входящих в Конгресс производственных профсоюзов, на котором присутствовало 2.000 человек. Участники митинга приняли резолюцию, призывающую к избранию Рузвельта президентом на четвертый срок.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 40. Ленинградское шоссе, улица «Правды», д. 24. ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ РЕДАКЦИИ: Справочное бюро — Д 3-15-68; Партийной жизни — Д 1-52-48; Пропаганды — Д 3-33-88; Сельскохозяйственного — Д 3-10-85; Экономического — Д 3-36-82; Иностранного — Д 3-37-50; Писем — Д 3-15-69; Местной сети — Д 3-15-47; Литературы и искусства — Д 3-38-73; Военного — Д 3-37-63; Секретариат — Д 3-15-64; Отдел об'явлений — Д 3-30-12. О недоставке газет в срок сообщать по телефону Д 3-06-08.

Б2090. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Изд. № 21.